

ЧИСТОЕ СЕРДЕЧНОЕ ПРИЗВАНИЕ

В Кемеровском книжном издательстве к юбилею Александра Раевского вышла пятая по счёту, этапная, как он сам говорит, книжка «Стеклянная лестница в небо». В четвёртом номере за 2011 год журнала писателей России «Огни Кузбасса», с подходящими к случаю словами, помещена подборка стихов.

«Я спросил у небес и далее про свое житьё,

С той минуты в душе позванивает:

Мне облака нашептали, что стихи – это моё

Чистое сердечное призвание...»

...Тёплый, радужный мир детства остался в Каргатском районе Новосибирской области, в селе Алабуга («Алабуга – не Елабуга», любит повторять Александр. – прим. ред.).

После армии судьба привела в город. Не к душе пришёлся «Кузбасс железный и воздух сплошь индустриальный». Но большой человеческий муравейник звал и притягивал. Было острое желание учиться у профессиональных писателей, общаться с ними. А профессионалы, понятно, в основном живут в городах. (Кстати сказать, с первым профессиональным писателем Александр встретился в Новокузнецке, это был Геннадий Емельянов. – прим. ред.)

20 лет служил в отряде военизированной пожарной охраны №4, сейчас это ОГПС-24 ЗСМК.

Ушёл в отставку в звании капитана. Пенсионер МВД.

...Все годы не отпускало, властно требовало выхода иное.

«Есть повыше дела на земле.

Стоит выплеснуть душу и силы,

Чтобы выстрадать право на хлеб

И на званье кровинки России».

Как шёл к стихам, пусть Александр Раевский рассказывает сам.

– Увидел в «Литературной газете» объявление о приёме в Литинститут имени Горького. Послал, без всякой надежды на отклик, стихи. И вдруг – письмо: «Приглашаетесь на сдачу экзаменов».

Поехал, хоть и подмывало – а ну как не получится? Один, второй экзамен сдал – проходные баллы! Устный экзамен по литературе: образ Лушки Нагульновой в «Поднятой целине». Я этот шолоховский роман понимал как заказной. «Тихий Дон» – великая книга, а эта... Герои «Поднятой целины» погибают в конце романа. Можно толковать так, что писатель показывает нежизнеспособность, утопичность идей, которые отстаивали герои. Но нельзя, обличая, прославлять.

Сдал на «отлично». Конкурс в литинститут был огромный, балла для поступления не добрал. Приглашали на следующий год, не поехал.

А учиться, чувствовал, надо. Литература не терпит любительского подхода, иначе это не литература, а хобби...

Заочно поступил в Новокузнецкий пединститут. Отучился. Считаю, пригодилось. Всю жизнь испытываю глубокое уважение, почтение к своим преподавателям. У Анатолия Балакай писал курсовую работу. Анатолий Георгиевич, который помнил меня по литобъединению «Гренада», предложил сделать полный лингвистический анализ стихотворного текста. Выбрал стихотворение Юрия Кузнецова «Гимнастёрка», в книги зарылся... «А ещё братья не хотел!» – хвалил Балакай.

По сей день благодарен Анатолию Георгиевичу Балакаю, Нэлли Викторовне Орловой, Тамилле Борисовне Афузовой, Наталье Николаевне Гончаровой, Сергею Ильичу Иванищеву. И, конечно, Анатолию Семёновичу Сазыкину с его прекрасными лекциями по зарубежной литературе. «Не хвалясь, скажу: в день книгу читаю», – делился с нами Анатолий Семёнович. – Знаю: нескольких жизней не хватит, чтобы прочесть всё, что хочу.

«Гренада» запомнилась: Анатолий Балакай, Юрий Шатин вели семинары, это была школа, приобщение к настоящей литературе, высокому слогу. Если б только друг другу стихи читали, ругали, хвалили, то и ходить бы не стоило.

– Когда начали печататься?

– В девятом классе учился, когда моё стихотворение напечатали в районной газете. Я эту газету до дыр затаскал, на груди под рубахой носил: «Моё»!

Есть, наверное, особая магия у печатного слова.

Посылал стихи в местные издания, без ответа. Однажды получил письмо от новосибирского поэта Александра Кухно. Он заметил и благословил. Вышла моя подборка в журнале «Сибирские огни».

В альманахе «Огни Кузбасса» было напечатано несколько стихотворений.

Ещё были публикации... Сомневался, правда: поэт я или нет? Пришёл к выводу, что всё же поэт.

Однако время шло, а книжки не было. Потом уже понял, в чём дело. Есть два способа пригасить начинающего: задолбить или захвалить. Меня хвалили (надеюсь, не захвалили). Бронзоветь начинал...

Книжки, наверное, так и не было бы, если бы не кемеровский поэт Виктор Баянов (я ему стихотворение посвятил, там есть строка: «...Поёт сибирский соловей»). Чуть не насильно дали ему мои стихи. Отнекивался: «Не до чтения»...

А потом – звонок от него: «Знаешь, всю ночь тебя читал».

С лёгкой руки Баянова вышла первая моя книжка – «Полуденный костёр».

А большой русский поэт Юрий Кузнецов, которым в 70-е годы прошлого века зачитывались, сам меня нашёл.

Я у него на семинаре в Новосибирске занимался. Помню, Юрий Поликарпович говорил про штамп «талантливый», которым по отношению к молодым поэтам частенько злоупотребляли: «Талантов много, а поэтов мало». Ощущение от его присутствия помню: стремительный, пройдёт – ветер за ним...

Кузнецов вёл в литинституте семинар. Новокузнецкая поэтесса Таяна Тудегешева, занимавшаяся на высших литературных курсах, отвезла ему мой сборник «Сугробчик».

И вот – звонок, и опять – неожиданный. Хриловатый голос в трубке: «Раевский? Это Юрий Кузнецов говорит». «Чего?.. За эти розыгрыши»... «Срочно твоя фотография нужна», – перебивает меня Кузнецов. – «Даём большую подборку твоих стихов в «Нашем современнике».

В 2003-м году в журнале вышли две подборки моих стихов. (Александр Раевский стал лауреатом премии журнала «Наш современник» за 2003 год. – прим. ред.). В тот же год Юрий Кузнецов умер. Не выдержало сердце...

– С трепетом вы рассказываете о людях, с которыми вас сводила судьба...

– Мне везло на людей. Не раз замечал: в самые безнадежные моменты, когда на душе темно, вдруг появляется – как пайка, как поддержка – человек, от одного присутствия которого прибавляются силы.

Были такие ребята в «Гренаде». Знакомясь с ними, испытывал чувство, что знал их давно, всю жизнь. С Николаем Николаевским подружились моментально.

«Мотались мы в мёрзлых трамваях,

Ютились в квадратных углах;

Приверженцы гордого духа,

Лишь с небом клялись говорить...»

Погиб Коля рано, трагически... До сих пор сердце саднит, сидит заноза: не уберегли.

Да много было хороших встреч. С Сергеем Донбаем, нынешним главным редактором «Огней Кузбасса», ездили по Алтаю. В селе Ребриха познакомились с удивительным человеком – начальником управления культуры Ребрихинского района. Он очень много сделал для поддержки культуры на селе. Были с ним в селе Паново. В сельской школе есть музей, посвящённый Геннадию Панову. Такое совпадение: Панов – в Паново. Уроженец Новокузнецка, Геннадий уехал на Алтай. Писал стихи, песни на свои стихи.

В селе сохранили память о земляке. Это вселяет надежду – не оскудела Сибирская земля самородками.

– Александр, одно время вы были ответственным секретарем Новокузнецкого филиала Союза писателей Кузбасса по югу области...

– Был. Упирался, заставили, выбрали. На второй срок не остался, сказал «нет». Не чиновник я, не по мне это. Писать уже стал забывать.

В это время часть новокузнецких литераторов отделилась, образовала свой союз – Кемеровское отделение СП по югу Кузбасса. Одно дело делаем, одну идеологию исповедуем: пиши хорошо, и всё. Делёжка на наших и не наших – окололитературная возня, бездарное занятие, основанное на личной выгоде, ведёт в тупик.

– Что впереди, какие планы?

– Жду очередной номер «Нашего современника» с поздравлением и эссе нашего новокузнецкого критика Геннадия Кузнецова. Надеюсь, что в журнале будут опубликованы мои стихи.

Хочу написать вторую часть своей «Сказки про белого бычка и невезучего мужичка». Попробую сказать в ней сермяжную правду обо всем, что творится в стране в последние 20 лет. Писать об этом серьезно просто несерьезно.

Что касается книги «Стеклянная лестница в небо», то к ней я долго шёл, она трудно далась. Замыслил подготовить ещё сборник. Не возвращаться к тому, что уже сказал, не повторяться. Начать с чистого листа. Удастся ли? Не знаю.

– В «Стеклянной лестнице...» есть стихотворение: «Я хотел попасть на праздник, // Вечный праздник на земле...». Вот в новом сборнике и хочу попытаться – подняться над сутолокой, суетой, неустроенностью. О высоком помечтать, чуть-чуть к нему подтянуться. Страшный мир нам показали – значит, светлый есть. Так представляю: вокруг земли тоненькая-тоненькая, ранимая оболочка. Самая лучшая, духовная часть земного бытия.

– Как ноосфера Вернадского?..

– Ну, примерно. Она где-то даже материальна и оказывает влияние на нас, тварей Божьих.

Планы есть. Получатся ли, загадывать не хочу.

– О стихах лучше не говорить, а читать их. Пусть у вас будут читатели, которые поймут, оценят, проникнутся. А я процитирую одну из заглавных ваших строк, красной нитью проходящую по всем вашим книжкам:

«Что ж такое думал,

Что ж такое понял,

Где, скажи, воскрес ты,

Русский человек?..»

С юбилеем! Творческих успехов, удач, новых книг!

Анна Векшина

Фото Константина Новицкаса